

О СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРИЗНАКА В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С. А. Губанов

Ключевые слова: эпитет, актуализация, идиолект, поэтика, стиль, Марина Цветаева.

Keywords: epithet, actualization, idiolect, poetics, style, Marina Tsvetaeva.

DOI 10.14258/filichel(2022)3–02

Понятие актуализации, выдвижения толкуется нами как такое лингвистическое понятие, которое описывает потенциально заложенное значение, контекстуально обусловленное приспособление значения. Язык становится речью в процессе актуализации своих потенциальных возможностей и их реализации. Что касается авторского текста, то в его рамках писатель или поэт может применять самые различные, на его взгляд, точные для передачи необходимого смысла приемы актуализации. Среди множества таких приемов выделяется актуализация признака в составе атрибутивных конструкций. Остановимся на терминологии, актуальной для дальнейшего изложения результатов исследования.

Признаковая лексика всегда является одним из самых многочисленных и семантически разнообразных языковых пластов в составе любого текстового пространства; не составляют исключение и художественные тексты с их индивидуально-авторской стилистикой и неповторимым типом мышления. Имена прилагательные и семантически близкие к ним части речи (причастные формы глагола, наречия образа действия, порядковые числительные, определительные местоимения, иногда имена существительные) выражают признак объекта в широком смысле, характеризуют реалии действительности, номинируя типичный признак или выделяя какое-либо отличительное, неповторимое свойство предмета или субъекта. В художественном контексте в данном случае при употреблении слова признаковой семантики принято говорить об использовании такого тропа, как эпитет [Веселовский, 1989, с. 144; Томашевский, 1996, с. 105].

Под эпитетом, вслед за И. В. Арнольд, понимаем лексико-синтаксический троп, который отличается необязательно переносным характером выражающего его слова и обязательным наличием в нем эмотивных или экспрессивных, оценочных, стилистических и других конно-

таций [Арнольд, 2002, с. 130]. Узкая трактовка эпитета не представляется продуктивной, поскольку покрывает исключительно образные, переносные определения; синтаксический и лексический перенос могут сочетаться, по этой причине принимаем широкое определение эпитета. В рамках художественного текста эпитетом может стать принципиально любое слово в функции атрибута или предиката, имеющее хотя бы небольшую коннотацию.

Дефиниция эпитета в последнее время претерпевает серьезные изменения, вводится понятие эпитетоида — слова, выполняющего функции эпитета в данном контексте и имеющего нетипичные для художественного определения способы выражения, например, деепричастия, числительные, компаративные обороты и т.д. [Булахова, Скороводников, 2017, с. 140]. В ответ на это можно еще раз подчеркнуть наличие широкой трактовки эпитета, в связи с чем отпадает потребность в дополнительной терминологии. В дискурсологии также активно продвигается понятие мегаэпитета [Киров, 2019, с. 95] — определения-гиперонима, выводимого из описательной конструкции; но вновь заметим, что в стилистике и эпитетологии давно закрепился термин «сквозной эпитет», повторяющийся в различных фрагментах текста или нескольких текстах писателя эпитет и отражающий ключевые слова его творчества или концепты.

Другим термином, применяемым к предмету настоящего исследования, является понятие атрибутивной конструкции, или атрибутивной регулятивной структуры. В данном случае речь идет о функциональном параметре типологии признаковой лексики, в котором обращается внимание на то, каким образом определяется та или иная реалья, какую синтаксическую позицию занимает прилагательное в составе атрибутивной конструкции, как меняется смысл высказывания от перемещения лексем и т.д. О.Г. Ревзина применительно к творчеству М. Цветаевой достаточно часто упоминает о данных конструкциях, обращая внимание на степень их устойчивости, традиционности употребления или окказиональности. Совмещение предикативной и атрибутивной функций или выдвижение на первый план одной из них составляет основу для теории признаковых атрибутов.

Нельзя не вспомнить и о таком понятии, как эпитетный комплекс. Под ним понимается структурно-семантическое единство эпитета (признакового слова) и определяемого слова (объекта эпитетации). Во многом он соотносится с атрибутивной конструкцией, но немного шире, поскольку в разряд эпитетов могут попадать окказиональные, нетрадиционные способы их выражения. Свойство быть эпитетом, как верно от-

мечает И. В. Арнольд, «возникает в слове только в сочетании с названием предмета или явления, которые он определяет» [Арнольд, 2002, с. 130].

Комплексного изучения эпитетов на различном материале предпринято на сегодняшний день немало [Губанов, 2016, с. 5]. Изучались зарождение эпитета в языке, история его развития и функционирования в различные эпохи [Лободанов, 1984, с. 220], отмечалась роль эпитета в языковой картине мира [Померанец, 2004, с. 45], сложного эпитета в моделировании русской художественной языковой картины мира [Фадеева, 2014, с. 16]. За последние годы появились когнитивные исследования образования метафорических и метонимических эпитетов в рамках дискурсивной метонимии [Раевская, 1999, с. 5], а также теории смещенных определений [Сандакова, 2004, с. 54]. Несмотря на вышеперечисленные исследования, по причине неустойчивости дефиниции эпитета, его типов ощущается необходимость в уточнении терминов эпитетологии, что представляется возможным на основе изучения конкретного лингвистического материала.

Творчество М. Цветаевой является неиссякаемым источником для анализа неповторимого идиолекта, отражающего поэтическое мышление, особенности восприятия окружающего мира. Язык поэта, в том числе и эпитет, неоднократно описывался многими цветаеведами и лингвистами. Так, Л. В. Зубова обращает внимание на усилительные, типизирующие, конкретизирующие и многие другие функции признаков слов [Зубова, 1989, с. 17–18]. О. Г. Ревзина пишет о типах атрибутивных конструкций и их частотности, механизмах образования [Ревзина, 1996, с. 30]. Неизменно в подобных работах подчеркивается страсть поэта к языковому эксперименту, игре, рефлексии над словом, его формой и значением, отчего рождается большое число окказионализмов [Губанов, 2021, с. 40], корневых повторов эпитетов и определяемых, их зеркальное семантическое отражение и другие приемы актуализации смысла [Надежкин, 2015, с. 10]. Идиолект поэта является прямым отражением его картины мира [Могушкова, 2021, с. 27], индивидуальной, поэтико-символической, поэтому многие концепты, такие как *душа*, *небо*, *стол*, *поэт* и другие, многогранно воплотились в эмоциональном, экспрессивно наполненном языке М. Цветаевой [Ибатуллина, 2020, с. 23]. Эпитет понимался ею как слово, которое нужно найти, одно-единственное, самое точное (Марина Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 293). Исходя из этой авторской трактовки тропа, можно сделать вывод о той большой роли, которую она уделяла предмету настоящего исследования.

Объектом проводимого анализа выступает актуализированный эпитет (признаковое слово) в текстах М. Цветаевой. Предмет исследова-

ния — конкретные структурные и семантические способы актуализации признакового значения поэтом. Целью работы является установление факта центральной роли признаковой лексики (и эпитета как ее выразителя в художественной речи) для идиостиля М. Цветаевой.

Материалом для описания способов актуализации признака послужили собрание сочинений М. Цветаевой в семи томах, а также словарь ее поэтического языка, включающий исчерпывающие перечни всех лексем, употребленных в стихотворных текстах. В работе были применены метод сплошной выборки, количественный метод подсчета частотности употребления языковых единиц в тексте, семантический и компонентный анализы, а также когнитивно-дискурсивный метод. В процессе выборки было зафиксировано более 700 языковых единиц в текстах поэта, актуализирующих признак. В статье остановимся на нескольких типах актуализации: структурном расширении эпитетного ряда, авторском комментарии и семантическом переносе признака.

Критериями актуализации выступали: графическое или шрифтовое выделение (курсив, заглавные буквы), семантическое выдвигание, синтаксическое положение слова в сильной позиции, пунктуационное выделение (чаще тире, скобками), сама структура атрибутивной конструкции (многочленность, фразовость, слитность, дефисное написание). Также учитывался расширенный контекст (в случае стихотворения — строфа или четверостишие, иногда все целиком; в прозаическом тексте — предложение, фраза, которые составляют неотъемлемую часть семантики всего высказывания), комментарии поэта.

Словарь поэтического языка М. Цветаевой дает материал для установления специфики сочетаемости признаковых слов и имен, тенденций частотности их употребления (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996-2004). Хотя он и содержит минимальный контекст (двучленные конструкции или просто слово), но является важным материалом для отбора необходимых лексем. Проза дает иногда больше возможностей для комментирования нужного смысла, уточнения значения слова, обнажая логику поиска автором нужного и точного эпитета.

1. Актуализация признака посредством расширения эпитетного ряда (544 единицы). Наиболее частотным в отобранном материале способом актуализации признаковой семантики является уточнение признака путем перечисления его свойств с помощью цепочки эпитетов: поэт словно уверен, что с помощью нагнетания атрибутивной лексики он способен в полной мере, исчерпывающе передать все характеристики описываемого объекта.

Позиция признаков слов не только актуализирует их семантику, но и расставляет смысловые акценты во всем предложении:

Есть в мире лишние, добавочные, / Не вписанные в окоем. / (Не числящимся в ваших справочниках, / Им свалочная яма — дом.) / Есть в мире полые, затолканные, / Немотствующие: — навоз, Гвоздь — вашему подолу шелковому! / Грязь брезгует из-под колес. / Есть в мире мнимые — невидимые: / (Знак: лепрозориумов крап!), / Есть в мире Иовы, что Иову / Завидовали бы — когда б: / Поэты мы... (Марина Цветаева, 1994, т. 2, с. 185).

Большое число субстантивированных прилагательных, как позже станет ясно в контексте первой фразы, подвергается детальной характеристике: при этом, помимо собственно эпитетов, используются графические и пунктуационные средства выделения, такие как скобки, тире, двоеточия. Как это часто бывает, комментарий-возглас, заключенный в скобки и оформленный восклицательным знаком, выступает эмоциональным комментарием признака и ситуации в целом. Характеризуемый объект находится в постпозиции, и только в конце фразы читатель узнает, о ком говорит поэт.

1.1. Препозиционный эпитетный ряд (220 единиц).

Препозиционная актуализация признака более традиционна; атрибутивная функция эпитета в таких конструкциях очевидна. Но М. Цветаева, употребляя несколько эпитетных конструкций в препозиции по отношению к определяемому слову, создает сложный образ, а повторы слова служат магическим завершением непреложности характеристики объекта:

Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг — видимое (Цветаева 1994, т. 5, с. 284); Высшая степень душевной разъятости и высшая — собранности. Высшая — страдательности и высшая — действительности (Марина Цветаева, 1994, т. 5, с. 348); ... у нее твердый кров, твердый хлеб, твердый угол, а у меня все это — в воздухе (Марина Цветаева, 1994, т. 6, с. 691).

В первом контексте имеется комментарий в скобках с восклицательным знаком; во втором — нагнетание смысла бытийности, приземленности жизни другого, а затем — противоположный смысл, разрушающий предыдущий, жизнь поэта «в воздухе». Чтобы сила противоположности была интенсивнее, нужно было создать цепочку из повторяющихся эпитетов. Или:

Суровая — детская — смертная важность (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 177).

Сложно понять логику автора при выборе именно таких эпитетов и помещение их в препозиции через тире; предположим, что *детская*

понимается им как непреложная, чему можно доверять, т.к. дети не обманывают, а потому смертная, истинная важность.

Первый эпитет стоит дальше от определяемого, поэтому он менее эмоционален; чем ближе к объекту эпитетации, тем степень интенсивности признака нарастает:

Последний — посмертный — бессмертный подарок (Марина Цветаева, 1994, т. 3, с. 202).

Повтор признака всегда несет у М. Цветаевой важную смысловую нагрузку. Атрибутивные конструкции повторяются неизменно с той или иной долей трансформации: после повторяемого эпитета, как правило, содержится уточнение признака либо в рамках компаративного оборота, либо посредством ассоциативного ряда. Так, всякая ситуация словно раскручивается поэтом, высвечивая ее новые оттенки, номинируя части его свойств:

Терпеливо, как щепень бьют, / Терпеливо, как смерти ждут, / Терпеливо, как вести зреют, / Терпеливо, как месть лелеют / Буду ждать тебя (Марина Цветаева, 1994, т. 2, с. 180); **Дразнит заманчиво-новый, волнующий взгляд** (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 93); **Вспоминая о вас на пирующем, бурно-могучем костре** (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 19).

Если в первом фрагменте компаратив исчерпывающе раскрывает суть наречия, каждый раз с новой стороны номинируя признак, то в двух других случаях второй уточняющий эпитет оказывается непредсказуемым, подобранном окказионально как по семантике, так и по форме (*бурно-могучий*).

Повтор однокоренных слов способствует эмоциональному нагнетанию силы проявления признака, его переживания лирической героиней, и его разрешение, высшая степень экспрессии и накала чувств — это акт называния, номинация объекта эпитетации в постпозиции:

Каменногрудый, Каменнолобый, Каменнобровый столб: Рок (Марина Цветаева, 1994, т. 2, с. 88).

Противоречивость восприятия, воспоминания, осмысления объекта автором строк составляет неотъемлемую часть творческого гения М. Цветаевой:

Маленькое, огромное, совсем черное, совсем невидное — море (Марина Цветаева, 1994, т. 4, с. 370).

Нельзя не признать, что в приведенных выше случаях словоупотреблений эпитетный комплекс является центром высказывания, а характеризующий объект именуется в конце фразы, заканчивая сложное определение себя.

Похожая логика актуализации противоречивости воспоминаний и эмоций по поводу них заключена в строках о романе Ф.М. Достоевского:

Самое любимое из страшных, самое по-родному страшное и по-страшному родное были — «Бесы» (Марина Цветаева, 1994, т. 5, с. 78).

Цепочечный сложный эпитет способен передать сложное чувство, в котором соединены страх, трепет, любовь к книге.

1.2. Постпозиционный эпитетный ряд (205 единиц).

Постпозиционный эпитет обращает на себя внимание в силу особенного его выделения семантически и интонационно; он способен передать богатые эмоциональные оттенки значения.

Нагнетание признака в постпозиции актуализирует в большей степени смысл последнего определения, наиболее значимого, ради которого и строился градационный ряд, хотя отказываться от семантической роли других эпитетов не стоит:

Под месяцем лютым — / Румяным — раздутым (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 106).

Чтобы читатель верно понял противоречивость смысла, заложенного, казалось бы, в и так понятных словах, поэт считает нужным прокомментировать с помощью синонима необходимое слово, и вскрывается антонимия семантики, — если бы этого комментария не было, фраза имела бы совсем иное значение:

Все красавицы земной страны одинаково — невинно — неверны (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 329).

Эпитет в постпозиции, особенно если он состоит из нескольких слов, всегда обращает на себя внимание, передает эмоциональность речи:

Слезы крупные, янтарные, / Непарные (Марина Цветаева, 1994, т. 3, с. 234); *Левая — она дерзка, / Лъстивая, лукавая* (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 434).

Обратим внимание не только на постпозицию признаков слов, но и на метафорические и метонимические переносы при их образовании. С одной стороны, перед нами смещение определения (рука дерзкого человека), с другой — персонифицированный образ. Подбор эпитетов неслучаен, поскольку второй и последующий признаки имеют объяснительную силу, раскрывая суть первой, основной характеристики.

Подтверждением данной мысли о преимущественно метонимической логике образования переносных эпитетов в текстах М. Цветаевой является частотность употребления подобных эпитетов и антропоморфности многих образов, в том числе абстрактных:

Там, в памяти твоей голубоокой... (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 495).

Память становится способной видеть, или это в голубых глазах отражается прошлое, или же поэт припоминает глаза близкого человека... Подобных загадочных образов у М. Цветаевой немало. Нам важно отметить, что метафорический образ голубоокой памяти возник как продолжение логики антропоморфизации реальности.

1.3. Инвертированный метонимический эпитет (119 единиц).

Многие тексты М. Цветаевой насыщены определениями метонимического характера. Среди них такие, как *дерзкий*, *грустный*, *льстивый*, *одинокий* и др. Все они образны, но эта образность особенная. Рассмотрим пример:

Себялюбивый, одинокий сон (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 271).

С одной стороны, перед нами метонимическое выражение: сон уподоблен человеку, и в нем, в характере сна отражаются черты личности, характер; с другой стороны, выражение воспринимается как явно метафорическое, поскольку сон олицетворяется, функционирует как отдельный образ. В этой специфике образования метонимических эпитетов состоит особенность идиолекта поэта. Конструирование переносных выражений с эпитетами неизменно происходит по линии сравнения с человеком, его проявлениями, характером и эмоциями, отчего метонимия является ведущим принципом при образовании эпитетов.

Актуализация семантики признакового слова проявляет себя в инвертированном эпитете. Не просто часть тела человека метонимически представлена посредством «локализации» признака в данном органе; часто можно встретить инвертированный эпитет со смещенным определением и переподчинением смысла:

...брезгливая грусть уст, короткие крылья волос, жимолость нежных тел, гадательные дробы недель, сплошная маслбойня света (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 1996-2004).

Иерархические отношения в данных высказываниях перераспределены: главным словом словосочетания и тем словом, к которому относится эпитет, выступает не ядерное, идущее вторым (например, *уста*, как в первом эпитетном комплексе), а образное, метафорическое определение ядерного (*грусть* вновь в первом отрывке), — к этому образу и подбирается эпитет. Данное переподчинение имеет сильный эмоциональный эффект, подчеркивая образность и выводя метафору на передний план. Непредсказуемость в конструировании эпитета, смены его лексической сочетаемости рождает окказиональные эпитетные комплексы (именно комплексы, а не только эпитеты, т. к. вне контекста они

не функционируют). Сложные образы-загадки представлены во фразах: *жимолость нежных тел, гадательные дробы недель, сплошная мас-лобойня света*.

2. Авторский комментарий семантики эпитета как способ актуализации признака (95 единиц).

Другим способом актуализации признака выступает указание на неустойчивость семантики слова, его обозначающего, или на окказиональном понимании этой семантики, что может быть прокомментировано автором в скобках:

...нет стихов без чар (не очарованы, а чарованы) (Марина Цветаева, 1994, т. 7, с. 557); *Розы хотя бы раз? — Убыли ль? / Выполнив (проблагоухав!) тонете...* (Марина Цветаева 1994, т. 1, с. 171); *Храни мой костер: / (Пламень востер!)* (Марина Цветаева 1994, т. 2, с. 166).

Сами комментарии неизменно содержат эпитетные слова-характеристики, помогающие привнести нужный оттенок смысла в уже сказанную фразу.

Повтор комментария призван настойчиво обратить внимание на признак:

Есть другой день: злой (ибо слеп), действенный (ибо слеп), безответственный (ибо слеп) (Марина Цветаева 1994, т. 5, с. 239).

Курсив и шрифтовое выделение иногда применяются в прозе М. Цветаевой с целью актуализации признака:

*Верней, — брак сам не переносит **любовной*** (выделено курсивом) *любви, она его разрушает, разрушит* (Марина Цветаева 1994, т. 6, с. 539).

Своеобразной разновидностью уточнения семантики эпитета может служить конструкция с двоеточием и эпитетами-аппозитивами после него. Существительное в функции эпитета не столь часто используется поэтами в силу функциональной ограниченности: чаще это приложения, которые не способны передать признаковую семантику в полной мере. В текстах М. Цветаевой эпитет-субстантив в постпозиции следует за определяемым словом с предварительным двоеточием, что способствует небольшой интонационной паузе и эмоциональному продолжению:

*Радуга: **двойная слава**, Зарево: **двойная смерть*** (Марина Цветаева, 1994, т. 3, с. 306); *Губы: **смоль и кровь*** (Марина Цветаева, 1994, т. 3, с. 310).

Заметим, что такие аппозитивы подбираются на основе фонетического сходства, паронимической близости и всегда соотносимы с определяемым.

3. Окаймляющий эпитет (103 единицы).

Окружение объекта эпитетации несколькими атрибутивными словами является отличительной чертой идиолекта М. Цветаевой. В неко-

торых исследованиях данный тип эпитета получил название окружного, или окаймляющего, зеркального [Губанов, 2016, с. 106].

Значимость первого или второго эпитета практически равноценна, оба находятся в сильных синтаксических позициях начала и конца фразы и обращают внимание на одну из сторон описываемого объекта:

*Только и **памятлив**, что на песни / Рот мой **улыбчивый*** (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 202); ***пронзительен** бег **летучий*** (Марина Цветаева 1994, т. 3, с. 106) *всей **соловьинной** глоткой **разливанной**...* (Марина Цветаева 1994, т. 1, с. 244); *в этом **крутом** небе **мужском*** (Марина Цветаева 1994, т. 1, с. 304); ***мертвецким** сном **законным*** (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 526); *в **убийственном** слове **коротком*** (Марина Цветаева, 1994, т. 3, с. 627). *Ваш **нежный** лик — **сомнительный** и **странный** // По-**диккеновски** — **тусклый** и **туманный*** (Марина Цветаева, 1994, т. 1, с. 275).

Семантика первого определения начинает многогранно раскрываться в последующих эпитетах. В первом контексте налицо метонимический эпитет: рот приобретает способность помнить. Хотя интуитивно можно догадаться, и язык хранит это знание, что рот может помнить что-либо (песни, слова), но в сочетании со вторым, более традиционным эпитетом, первый явно становится образным. Другие эпитеты в приведенных выше контекстах скорее синонимически уточняют признак (*пронзительный — летучий; соловьиная — разлитая; крутое — мужское*). Без уточнения во второй части последнего примера было бы совершенно неясно, какое значение имеет выражение *нежный лик*.

Рассмотрев некоторые способы актуализации признака в текстах М. Цветаевой, сделаем предварительные выводы. Выдвижение признака является самым частотным способом актуализации потенциальных свойств лексических единиц в текстах поэта. Оно может реализовываться как структурными конфигурациями эпитетных конструкций, так и семантическими переносами определения. Оба приема актуализации тесно связаны друг с другом и контекстуально обусловлены.

Синтаксическое положение эпитета в ряду признаков слов значимо и подчеркивается уточняющими его семантику определениями или, наоборот, антонимичными словами. Инвертированный эпитет метафорически описывает признак через отсылку к авторскому образу, часто метонимически и антропоморфно сконструированному. Окаймляющий эпитет многогранно описывает объект, словно представляя образ в развернутом виде.

Перспективы исследования признаков слов и способов их актуализации видятся в анализе семантических групп эпитетов и определяе-

мых слов, в установлении закономерностей их сочетаемости, описании специфики идиолекта М. Цветаевой.

Библиографический список

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.
- Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9).
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
- Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы. Самара, 2016.
- Губанов С. А. Языковая рефлексия в творчестве Марины Цветаевой: признаковая лексика // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). URL: <https://tl-ic.kursksu.ru>
- Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.
- Ибатуллина Г. М. Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов — как семь колоколов...» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1.
- Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3.
- Лободанов А. П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 3.
- Могущкова Т. С. Сборник стихов «Вечерний альбом» Марины Ивановны Цветаевой // Вестник науки. 2021. Т. 3. № 4 (37).
- Надежкин А. М. Корневой повтор в художественной речи М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015.
- Померанец И. Б. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2.
- Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I.
- Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке. Киров, 2004.
- Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
- Фадеева Т. М. Сложный эпитет — ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.
- Хаззагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика : курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов /нД., 1999.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М., 1996–2004. Т. I–IV.

Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1994. Т. 1–7.

References

Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennuyu angliyskiy yazyk*. [Stylistics. Modern English language]. Moscow, 2002.

Bulakhova N. P., Skovorodnikov A. P. *K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovlenie k funktsional'noy kharakteristike)*. [To the definition of the concept of epithet (preparation for a functional characteristic)]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice]. 2017. No. № 2 (9).

Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika*. [Historical poetics]. Moscow, 1989.

Gubanov S. A. *Teoriya epiteta: osnovnye podkhody*. [Epithet theory: main approaches]. Samara, 2016.

Gubanov S. A. *Yazykovaya refleksiya v tvorchestve Mariny Tsvetaevoy: priznakovaya leksika*. [Language reflection in the work of Marina Tsvetaeva: attributive words]. In: *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language theory and intercultural communication]. 2021. No. 3 (42). URL: <https://tl-ic.kursksu.ru>

Zubova L. V. *Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskiy aspekt*. [Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect]. Leningrad, 1989.

Ibatullina G. M. *Apollonicheskoe i dionisiyskoe v stikhotvorenii M. Tsvetaevoy "Sem' kholmov — kak sem' kolokolov..."*. [Apollonian and Dionysian in M. Tsvetaeva's poem 'Seven hills — like seven bells']. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Vol. 13. 2020. No. 1.

Kirov E. F. *Diskursema i megaepitet v diskursologii*. [Diskursema and megaepithet in discoursology]. In: *Kazanskaya nauka*. [Kazan science]. 2019. No. 3.

Lobodanov A. P. *K istoricheskoy teorii epiteta (antichnost' i srednevekov'e)*. [On the historical theory of the epithet (antiquity and the Middle Ages)]. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in literature and Language]. Vol. 1984. 43. No. 3.

Mogushkova T. S. *Sbornik stikhov "Vecherniy al'bom" Mariny Ivanovny Tsvetaevoy*. [Collection of poems "Evening Album" by Marina Ivanovna Tsvetaeva]. In: *Vestnik nauki*. [Bulletin of science]. 2021. T. 3. P. 26–30. № 4 (37).

Nadezhkin A. M. *Kornevoy povtor v khudozhestvennoy rechi M. I. Tsvetaevoy*. [Root repetition in the artistic speech of M. I. Tsvetaeva]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Nizhniy Novgorod, 2015.

Pomeranets I. B. *Razvitie epiteta kak otrazhenie izmeneniy kartiny mira*. [The evolution of the epithet as a reflection of changes in the picture of the world]. Cand. of Philol. Diss. St. Petersburg, 2004.

Raevskaya O. V. *O nekotorykh tipakh diskursivnoy metonimii*. [About some types of discursive metonymy]. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in literature and Language]. Vol. 58. 1999. No. 2.

Revzina O. G. *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy*. [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. In: *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy*. [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. Moscow, 1996. Vol. I.

Sandakova M. V. *Metonimiya prilagatel'nogo v russkom yazyke*. [Adjective metonymy in russian]. Kirov, 2004.

Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika*. [Literary theory. Poetics]. Moscow, 1996.

Fadeeva T. M. *Slozhnyy epitet — yadernaya edinitsa khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke*. [A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2014.

Khazagerov T. G., Shirina L. S. *Obshchaya ritorika: kurs lektsiy. Slovar' ritoricheskikh priemov*. [General rhetoric: a course of lectures. Dictionary of rhetorical devices]. Rostov-on-Don, 1999.

List of sources

Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy. [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. Moscow, 1996-2004. Vol. I-IV.

Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Vol. 1-7. Moscow, 1994.